



ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ
Этнодиалектный словарь.
Том 1



ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ГУБЕРНАТОРА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
С.И. МОРОЗОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МИНИСТЕРСТВА
ИСКУССТВА И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И.Н. УЛЬЯНОВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

А-Λ

ОЧЕРКИ
ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЛЬЯНОВСКОГО
ПРИСУРЬЯ

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ



МОСКВА «ИНДРИК» 2012

УДК 39
О 95

Авторская работа выполнена
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-01-00497а)

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь. Том 1 / Колл. авт.: И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-210-7

В Этнодиалектном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

ISBN 978-5-91674-210-7

СОДЕРЖАНИЕ



Преамбула	9
<i>И.А. Морозов</i>	
Этнодиалектный словарь как способ исследования и презентации локальной традиции	13
<i>И.С. Слепцова</i>	
Формирование и этнокультурное развитие населения Ульяновского Присурья	27
<i>В.А. Липинская, О.А. Туркина</i>	
Поселения и жилище	65
<i>В.А. Липинская, О.А. Туркина</i>	
Одежда	83
<i>А.П. Липатова</i>	
Народно-религиозные представления и практики	97
<i>Е.В. Сафонов, И.А. Морозов</i>	
Особенности «низшей мифологии» Ульяновского Присурья	117
<i>М.П. Чередникова</i>	
Традиционная календарная обрядность	123
<i>И.А. Морозов</i>	
Жатвенная обрядность	139
<i>М.Г. Матлин</i>	
Свадебный обряд	145
<i>И.А. Морозов, И.С. Слепцова</i>	
Игры и развлечения	159
Заключение	173

СЛОВАРЬ

АНЕКДОТЫ И ПОБАСЕНКИ (игровой текст)	181
БАНЯ НЕВЕСТЫ (свадебный обряд)	189
БАРЫНЯ И КАВАЛЕР (тип ряженья)	193
БАУКАТЬ (тексты и практики при убаюкании детей)	198
БЛАГОВЕЩЕНИЕ (праздник)	207
БОБРА СМОТРЕТЬ (святочный игровой комплекс)	210
БОЛЯЩИЕ (персона)	213
БОЯРЕ (рядовая игра)	227
БУДИТЬ НЕВЕСТУ (свадебный обряд)	231
 В ПОКОЙНИКА ИГРАТЬ (развлечение)	235
В ЯЙЦА КАТАТЬ (праздничное развлечение)	241
ВЕНЧАНИЕ (свадебный обряд)	258
ВЕРБНОЕ (праздник)	260
ВЁСНУ ПРОВОЖАТЬ (обряд)	265
ВЕЩИЕ СНЫ (прогностические и толковательные тексты и практики)	273
ВОЗДВИЖЕНИЕ (праздник)	278
ВОЗНЕСЕНИЕ (праздник)	281
ВОРОЖЕЯ (персона и персонаж мифологических представлений)	284
ВТОРОЙ ДЕНЬ (этап свадьбы)	296
 ГАДАНИЯ (магические и развлекательные практики)	309
ГОЛЫШИ (игра на гуляньях)	319
ГОРЕЛКИ (игра на гуляньях)	322
ГОРНОЙ СТОЛ (этап свадьбы)	324
ГУЛЯНЬЯ (комплекс праздничных развлечений)	331
 ДЕВИЧНИК (свадебный обряд)	347
«ДОЖДИК, ДОЖДИК, ПУЩЕ» (игровой текст и форма поведения)	352
ДОМОВОЙ (мифологический персонаж)	357
ДРАЗНИТЬ (игровая форма поведения)	365
ДУХОВ ДЕНЬ (праздник)	380
ДУШУ ПРОВОЖАТЬ (обряд поминовения)	386
 ЕРОШКИН (персона)	402
ЖАВОРОНКОВ КЛИКАТЬ (обряд, обрядовое печенье)	413
ЖАТВА (производственно-обрядовый комплекс)	426
ЖМУРКИ (игра)	439

ЗА ВЕНИКОМ ХОДИТЬ (свадебный обряд)	445
ЗАПОЙ (этап свадьбы)	455
ЗАСТОЛЬЕ (празднично-обрядовое действие)	459
ИВАН КУПАЛЬНЫЙ (праздник)	473
ИГРАТЬ В КЕЛЬЯХ (игровой комплекс)	477
ИКОНА (сакральный артефакт)	487
ИЛЬИН ДЕНЬ (праздник)	501
К ВЕНЦУ ЕХАТЬ (свадебный обряд)	509
КАЗАНСКАЯ (праздник)	512
КАЛАНЦЫ (игра)	516
КАРАВАЙ (игра)	524
КАЧЕЛИ (развлечение на весенне-летние праздники)	526
КЛАДКУ РЯДИТЬ (свадебный обряд)	533
КЛЕТКИ ГОРОДИТЬ (детские ролевые игры)	536
КЛЁК (молодежная и подростковая игра)	548
КОЗНЫ (детская и подростковая игра)	555
КОЛДУН (персона и персонаж мифологических представлений)	564
КОЛЕЧКО (игра в кельях)	578
КОЛЯДУ ПЕТЬ (празднично-обрядовое действие)	581
КОНИТЬСЯ (игровое и обиходное действие)	588
КОНЬ (обычай ряженья)	594
КОРШУН (детская игра)	601
КОРШУНА ГОНЯТЬ (игровая и обрядовая практика)	606
КОСТРОМУШКА	607
КРЕЩЕНИЕ (праздник)	609
КРУГОМ ИГРАТЬ (игра в кельях)	614
КУЗЬМИНКИ (праздник)	616
КУЛАЧКИ (обрядовое развлечение)	624
КУЛЮЧКИ (детская и подростковая игра)	638
ЛАПТА (игра)	643
ЛАПТИ (игра)	653
ЛЕТУН (мифологический персонаж)	655

ПРЕАМБУЛА



Изучение своеобразия традиционной духовной культуры русских и особенностей ее современного функционирования на территории исторически сложившихся этнокультурных зон России в XIX — XX вв. является важным направлением современных этнографических исследований. Особенно значимо это для Среднего Поволжья — одного из наименее изученных и в то же время чрезвычайно интересного для исследования русской традиционной культуры региона России.

Ульяновское Присурье составляет западную часть Среднего Поволжья, охватывая Сурский, северо-западную часть Карсунского и северную часть Инзенского р-нов. По этой территории протекает река Сура, разграничивавшая Ульяновскую обл. с Республикой Мордовией, Чувашской республикой (Инзенский р-н также граничит с Пензенской областью, но уже не по р. Суре). В Суре впадают несколько крупных и мелких рек, протекающих по указанным районам, — это р. Барыш (Сурский и Карсунский р-ны), Большая Сарка (Сурский р-н), Тала (Инзенский р-н) и др.

В XVI в. эти земли входили в состав Алатырского у. Нижегородской обл., в середине XVI в. — в Симбирский у. Казанской губ. В 1708 г. территория вошла в Алатырский у. Казанской губ., а в 1719 г. — образованы Алатырская провинция Нижегородской губ. и Симбирская провинция Казанской губ., к которой относился Карсун. В 1780 г. было учреждено Симбирское наместничество и территория Присурья вошла в состав Алатырского, Карсунского, Буйнского, Котяковского у. Последний в 1796 г. был упразднен и его территория была разделена между Алатырским и Карсунским у. Наконец, в 1850 г. Присурье отошло к Алатырскому и Карсунскому у. Симбирской губ. Это административное деление сохранилось до 20-х гг. XX в.

Выбор именно этого региона для комплексного изучения был обусловлен рядом причин. Эта область выделяется как по особенностям природного ландшафта, так и по специфике заселения русскими данной территории: именно здесь проходила одна из засечных черт, на этих землях сталкивались и смешивались различные волны русской колонизации, состоявшие из многих локальных и социальных групп, с местным финно-угорским населением. Разнообразные формы взаимодействия между категориями населения, участвовавшего в хозяйственном освоении края,



Карта Ульяновского Присурья

привели к сложению новых локальных вариантов культуры, не сводимых к сумме признаков, присущих районам выхода. Причем, процесс выработки новых культурных форм проходил здесь очень интенсивно в силу того, что заселение русскими Присурия произошло по историческим меркам одномоментно, во второй половине XVII — начале XVIII в., то есть на протяжении жизни двух-трех поколений. В последующий период этот регион характеризовался сравнительно высокой стабильностью коренного сельского населения, что способствовало сложению особого поволжского типа традиционной народной культуры.

Кроме того, этот район выделяется относительной экономической самостоятельностью. Он рано включился в капиталистическое развитие

благодаря своему выгодному географическому положению на речных и сухопутных путях, уже в XVIII в. он стал мощным экономическим центром Среднего Поволжья. Это обстоятельство также отразилось на характере местной культуры.

В дореволюционный период местными статистическими и краеведческими организациями было опубликовано довольно большое количество описаний исторического, экономического и краеведческого характера. Эти работы содержат данные о хозяйстве, занятиях, жилище, одежде, обрядах и фольклоре отдельных селений и местностей изучаемой зоны. Однако эти сведения, как правило, разрознены, относятся к разным периодам и не дают представления о традиционной культуре всего региона. В советский период эти районы очень мало привлекали внимание исследователей (см. характеристику источников и литературы во Вступительных статьях Словаря).

В связи с этим систематические экспедиционные исследования в Ульяновском Присурье, проводимые с начала 1970-х гг. сотрудниками кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета, а с конца 1990-х гг. — и сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, Академии музыки им. Гнесиных, Московской и Санкт-Петербургской государственной консерватории, имеют исключительно важное значение. В последние десятилетия дальнейшее расширение источниковедческой базы для изучения традиционной культуры становится все более затруднительным в связи со стремительными трансформациями традиционного уклада, обусловленные современными социокультурными преобразованиями и интенсивными миграционными процессами. Вместе с тем постоянно пополняемый в ходе работ массив данных позволяет перейти к теоретическому осмыслению закономерностей и принципов функционирования традиционной культуры.

Эта работа не могла бы состояться без финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-01-00497а), Администрации и министерства культуры Ульяновской области, работников местных администраций, школ, музеев, домов культуры.

Огромная благодарность всем жителям Присурья, откликнувшимся на наши просьбы рассказать об истории, фольклоре и обычаях своего края. Назовем хотя бы несколько наиболее активных наших собеседников и помощников: Мария Павловна и Юрий Михайлович Постновы, Валентина Ивановна Тихонова из с. Потьма, Александра Макаровна Губчёнкова, Мария Федоровна Отряскина из с. Новосурск, Евдокия Андреевна Цыпина из с. Валгуссы, Наталья Архиповна и Зинаида Ивановна Лиликины из с. Палатово, Семен Иванович Мезенков из с. Первомайское, Любовь Степановна Сазонова из с. Астрадамовка, Лидия Ивановна Крестина из с. Утесовка, а также тех, кто щедро поделился личными фото: семейство Власовых и

Анна Павловна Сычева из с. Кадышево, Зинаида Ивановна Морозова из с. Коржевка, Мария Севастьяновна Гулина из с. Проломиха, Екатерина Яковлевна Макурова и Вера Николаевна Восенёва, Полина Сергеевна Латышова, Мария Николаевна Нарышкина из с. Кадышево, Лидия Петровна Рогожина, Зинаида Андреевна Кондратьева и Прасковья Владимировна Казакова из с. Б. Кандарать, Раиса Ильинична Аникина из с. Чеботаевка.

Выражаем признательность постоянным участникам наших экспедиций, сделавших существенный вклад в фотоархив: Илье Павлову, Косте Туркину, Андрею Цухлову, а также Павлу Сергеевичу Куприянову и Анне Александровне Анненковой, материалы и фото которых мы использовали.

Авторы выражают искреннюю и глубокую благодарность всем, кто помогал в работе над данным исследованием советами, материалами, конструктивной критикой при предварительных обсуждениях.

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК СПОСОБ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ЛОКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ



Удобным способом систематизации значительных объемов разноплановой и разноуровневой информации является форма словаря, в основе которой — **принцип «алфавитного каталога»**. Принцип «**систематического каталога**» может быть использован, только когда имеющийся материал подвергнут фронтальному анализу, выявлены системные связи между отдельными его смысловыми компонентами, определена их иерархия и т.п. Для первичного анализа вполне допустимо и чисто **тематическое распределение материала**. Целью фольклорно-этнографических словарей является **разработка принципов систематизации, обработки и консервации собранных полевых материалов, отработка методики описания локальных и региональных разновидностей традиционной культуры во всей их полноте**. Необходимое условие при их создании — **комплексность, т.е. многоуровневость и многокомпонентность описания локального типа культуры в конкретном историко-этнографическом контексте**. Корпус статей дополняется аналитическими статьями по истории заселения описываемого региона, его фольклорно-этнографическим и языковым особенностям, в которых на материалах словаря выделяются и картографируются локальные культурные типы, характерные для данного региона.

Словари представляемого нами типа мы назвали **этнодиалектными**. Чтобы понять **специфику жанра этнодиалектного словаря** в нашем понимании, обратимся к определению **понятия «этнодиалект»**. Существующие термины для обозначения локальных или региональных фольклорно-этнографических типов (например, «фольклорный диалект», «этнокультурный» или «локально-культурный» тип) несут в себе оттенки значения, мешающие их адекватному восприятию. Даже зная современные расширительные трактовки понятия «фольклор», трудно истолковывать понятие «фольклорный диалект» в расширительном смысле, так как возникают ассоциации с «классическими» определениями фольклора как «народной поэзии» или «устно-поэтического народного творчества». Термин «**этнодиалект**», как не имеющий нежелательных коннотаций, в наибольшей степени отражает понятие этнокультурного типа в его ментальных и языковых презентациях. Это обусловлено его своеобразной **ассоциативно-семантической поливалентностью**: он одновременно включает в себя понятия «этнографический диалект» и «этнический

диалект», не будучи полностью эквивалентным ни одному из них. Второй компонент этого термина вызывает ассоциации с языковыми диалектами, народными говорами, что проявляется в обычных употреблениях этого термина для обозначения именно *этноязыковых* (а не *этнокультурных*) особенностей того или иного локального типа культуры.

Поскольку речь идет об описании **локальных типов культуры**, то было бы вполне оправданным связать понятие **этнодиалекта** именно с конкретными этнокультурными типами, проявляющимися в рамках местных традиций. В каждом географическом ареале расселения русских и даже в каждой зоне внутри них выделяются **особые локальные культурные типы, обусловленные как этническими, так и конфессиональными особенностями**. В некоторых случаях локальные культурные типы обусловлены **особенностями заселения** данного региона, сочетанием разновременных потоков миграции или происхождением поселенцев из разных территориальных групп. Таким образом, «*этнодиалект*» можно определить как **исторически сложившийся локальный тип культуры во всей полноте его языковых и фольклорно-этнографических проявлений**. Даже в границах сравнительно небольшого региона может быть несколько этнодиалектов. По степени общности этнодиалекты могут группироваться в **этнодиалектные зоны и ареалы**.

Критерии выделения этнодиалекта. Наиболее ярко этнодиалектные особенности проявляются на границах этнокультурных ареалов. Как и при выделении языковых диалектов, важна сумма признаков. При определении границ членимости описываемых культурно-языковых явлений мы исходили из нескольких принципов:

— **частотность и вариативность** того или иного явления или реалии в данном этнодиалекте или этнодиалектной зоне: **то, что не актуально и малозначимо, не повторяется и не варьируется**. Факты, встречающиеся только один раз (имеются в виду *не варианты, а факты, не имеющие вариантов*), никогда не включаются нами в состав **словника** (в отличие от **вариантов**, которые иногда могут выступать в качестве отдельной словарной статьи);

— **наличие местного термина** для обозначения рассматриваемого явления. В качестве особого случая должны рассматриваться частотные **явления, не имеющие местных названий**. Точнее, **они не имеют названий, удобных для словаря**: названия состоят из целой фразы или предикативных сочетаний, нередко существенно варьирующихся (например: *за мыломходить, за веникомходить, с кустомходить* и т.п.). В других случаях местные названия описывают рассматриваемые явления и сферу их употребления довольно расплывчато (например, термины «байка», «былинка» и «шутка»; «припевать» и «пиригудать»);

— **различия в способах номинации** фольклорно-этнографических реалий и явлений. В Присурье зафиксировано, например: три способа номи-

нации обряда «проводов весны» с чучелом: «шута хоронить», «Ярилу хоронить» и «Андрюшу хоронить»;

— **присутствие или отсутствие рассматриваемого явления в соседних этнодиалектах.** Может оказаться важным **наличие разных элементов** в одной и той же позиции. В Присурье выделяется небольшая группа сел, в которых в качестве поздравительных текстов исполняется «Дева-Марева по полю ходила», что является признаком особого этнодиалекта со специфическими этнокультурными и этноконфессиональными особенностями. Нередко для выделения этнодиалекта или этнодиалектной зоны определяющим может оказаться **отсутствие** тех или иных реалий и явлений. В Присурье такими признаками могут выступать обряды проводов льда и молодежное собрание («кувырдалки») на Благовещенье.

Выделяя в качестве «черных слов» диалектные названия описываемых реалий, мы отчасти используем уровень лексемы, столь важный приialectологическом анализе. Таким образом, речь идет о создании словарей, которые продолжили бы словарную традицию конца XIX — начала XX вв. в рамках московской этнолингвистической школы. *Приверженность к этому направлению предполагает признание постулата об изоморфности культуры и языка, возможности экстраполяции лингвистических методов в фольклористику и этнографию, а также необходимости при описании традиционной культуры уделять особое внимание языковым средствам ее выражения.* Традиционная культура оказывается представленной через свой языковой образ. Такой подход иногда вызывает критику этнографов и музыковедов, так как **не все может быть отражено языковыми средствами**. Словесные описания предметов материальной культуры, игровых и обрядовых действий, народной хореографии не являются их адекватным отражением. Существующие методы письменного отражения музыкально-песенного фольклора (нотации, графические схемы народных танцев и т.п.) в настоящее время уже не могут быть признаны удовлетворительными. Устарели и традиционные способы транскрипции народной речи. Поэтому на повестке дня создание особого **визуально-звукового** измерения словаря, интерактивного мультимедийного приложения к нему.

При выделении элементов описания мы не стремимся подняться на уровень архетипов (концептов или абстрактных понятий). Мы используем при анализе уровень реалий и акций (обрядов, игр, праздников) и составляющих их компонентов, т.е. то, что можно было бы назвать «единицами употребления» (**прагмемами**). Наш уровень — уровень **бытования**, уровень «речи» (если брать лингвистические аналогии), а не уровень «языка». Понятие «бытование», изоморфное понятию «речи», можно определить как совокупность единиц употребления (они сопоставимы с речевыми актами).

Главная задача такого рода исследования — вычленение элементов, определяющих **своеобразие** данного локального культурного типа в рамках национальной культуры или в исследуемом ареале. То есть **поиск не общего, а особенного, специфичного**. Фольклорно-этнографический факт (например, ряжение или новогодний поздравительный обход) должен быть представлен (описан) во всей его местной специфичности, с учетом существующих вариантов. Кроме того в словарь входит некоторое число общерусских элементов, имеющих местную специфику (степень специфичности может ограничиваться только названием, устойчивыми словесными формулами или особенностями фольклора). В рамках словаря возможна также разработка проблем членимости общерусского культурного ареала, изучение особенностей этнокультурных зон.

Наше понимание жанра этнодиалектного словаря проявляется в **составе и структуре словарника**, т.е. в нашем понимании границ членимости описываемых культурно-языковых явлений в рамках того или иного локального типа культуры; в **принципах подачи материала**: мы опираемся не на **минимальные контексты**, как это принято в диалектных и языковых словарях, а на **развернутые речевые периоды**, т.е. на интерпретации рассматриваемых фактов традиционной культуры *самими ее носителями* в виде развернутых речевых фрагментов. В одних случаях — это более или менее обстоятельный ответ на заданные собирателем вопросы, в других — те или иные типы устных рассказов, выдаваемые исполнителем «по слухаю». Тем самым мы стремимся сделать контекст как можно более широким. Это связано с общим теоретическим постулатом о том, что **значение порождается в процессе употребления**. Из этого и вытекает ориентация не на «языковые», а на «речевые» реализации явлений культуры; т.е. на описание не «кодифицированных», устойчивых единиц, а фактов **бытования**, «речевой стихии» традиционной культуры. В этом случае для адекватного представления семантики необходимо рассмотрение всего доступного спектра **вариантов** описываемого явления или факта.

Чтобы достичь наибольшей адекватности описания, чисто методологически более корректно представить традиционное народное мировоззрение не только с точки зрения внешнего наблюдателя — исследователя, создателя словаря, но и изнутри, так, как его понимает и видит сам представитель данного этнокультурного типа (*этнодиалекта*). Устные рассказы не только отражают некие объективные факты, но и, что особенно важно, представляют их с точки зрения человека, лично их внутренне эмоционально «прожившего» и, следовательно, ощущившего их «иную» реальность и внутреннюю взаимосвязь с внешней, казалось бы, весьма удаленными реалиями и явлениями. Именно эта черта свидетельствует непосредственных участников традиционных праздников и обрядов дает возможность выявить многие не очевидные для внешнего наблюдателя мотивировки,

без которых зачастую невозможна правильная интерпретация сущности происходящего.

Конечно, точка зрения носителя культуры не обязательно является более объективной и достоверной, чем мнение исследователя, описывавшего то или иное явление извне. Это тем более очевидно в случае, когда мы имеем дело с меморатами, т.е. «изустными преданиями», воспоминаниями очевидца о том, что он некогда видел или в чем он когда-то участвовал. Такого рода рассказы, подчиняясь общим законам устного рассказа и мовы, используют характерные для них способы построения и включают в себя типичные для сказа фигуры, формулы и общие места. Любой меморат, особенно если он принадлежит опытному, искусному рассказчику, несколько «приукрашивает» действительные факты, стремится свести их к некоему «усредненному целому», ввести в рамки и каноны традиционного устного повествования. Но именно эта «обобщенно-типическая» точка зрения на описываемые события самих носителей традиции и представляет для исследователя наибольшую ценность, так как она в полной мере передает своеобразие мышления и мировосприятия изучаемого этнокультурного типа в целом.

Хотя формально рассказы носителей традиции в структуре словаря выполняют иллюстративную функцию по отношению к комментирующим текстам автора той или иной статьи, реально оба эти типа текстов функционально равноправны, так как в ряде случаев сами мемораты являются комментариями к предшествующим или следующим за ними авторским текстам, они, фактически, их неотъемлемая часть.

Наличие нескольких комментариев и иллюстраций к одному и тому же факту объясняется как стремлением авторов словаря выявить все доступные нюансы и разночтения в трактовках того или иного явления носителями традиции, так и необходимостью отразить локальные разновидности описываемых явлений, что является одной из важных целей данного исследования. Тяжеловесность и неудобочитаемость текста, вызывающаяся подобным изобилием диалектных цитат, с нашей точки зрения, необходимая плата за большую полновесность и объективированность описания. Впрочем, как и словари других типов, данное издание не рассчитано на сплошное «линейное» прочтение, но предполагает прежде всего выборочное знакомство с интересующими читателя темами в удобной для него последовательности. Множественность же мотиваций и возможность их построения на народно-этимологической основе (например, разные способы объяснения обычая выпекать «кресты» на средокрестье: с одной стороны, их пекли с целью приблизить приход весны, с другой — по ним загадывали о будущем) дает возможность говорить о многосоставности и разнополюсности народного мировоззрения, одновременном присутствии в нем *на равных правах* разных, порой взаимоисключающих трактовок окружающих реалий и явлений в зависимости от конкретных ситуаций. Эта

идея, высказанная и обоснованная в свое время П.Г. Богатыревым, поддерживается в наших словарях многочисленными примерами.

Иначе говоря, мы используем при описании не столько клишированные народные языковые формы (устойчивые словосочетания и высказывания, обеспечивающие «минимальные контексты» для вычленения описываемого в данной словарной статье значения), сколько обширные речевые фрагменты, народную речь в самом широком смысле слова. Тем самым этноязыковые явления и этнографические реалии представляются в словаре не в виде застывших «вневременных» фактов, но в процессе своего употребления и бытования (если согласиться с мнением, что процесс проговаривания является одной из форм существования события и важным фактором его порождения). Отражением этого процесса является широко представленная в словаре многовариантность зафиксированных обрядовых и текстовых форм. Синхронный срез традиционной культуры застает ее в процессе непрерывной многополосной кристаллизации и становления. Отметим, что на русском материале методика этнодиалектного исследования была в свое время продемонстрирована А.Ф. Журавлевым, а несколько лет назад появились образцы словарей такого типа на полесском материале. При всем сходстве подходов и исходных посылок эти словари существенно отличаются от нашего именно в силу установки на языковые клише, а не на ситуативно обусловленные значения. Из этого вытекает важное следствие: значение слова или обрядовой акции состоит из двух компонентов — константного, который мало варьируется, и ситуативно обусловленного, существенно изменяющегося в зависимости от контекста или ситуации. В этнодиалектном словаре предметом нашего внимания является именно второй компонент.

Игровые формы как предмет описания в рамках этнодиалектного словаря. Чтобы продемонстрировать специфику применяемой нами методики, рассмотрим более подробно принципы подачи материалов, описывающих различные игровые формы и практики. Для этнодиалектного словаря особую ценность имеет не столько детальное описание конкретных игровых форм (например, подвижных или хороводных игр), сколько способы их функционирования в традиционном и современном быту, взаимодействие с другими повседневными и обрядовыми формами, их pragmatische составляющая, относящаяся скорее к «внешнему» кругу игры, т.е. к использованию социумом игровых форм для регуляции межгрупповых и межличностных отношений [Морозов, Слепцова 2004, с. 34–46]. Учет варьирования конкретных игровых правил или разнообразия игровой терминологии помогает решению более общей задачи выделения на исследуемой территории локальных типов культуры (этнодиалектов). Все это предполагает, что нам помимо конкретных описаний важны свидетельства о функционировании тех или иных игровых форм в составе календарного и семейного обрядового комплекса. Упоминания

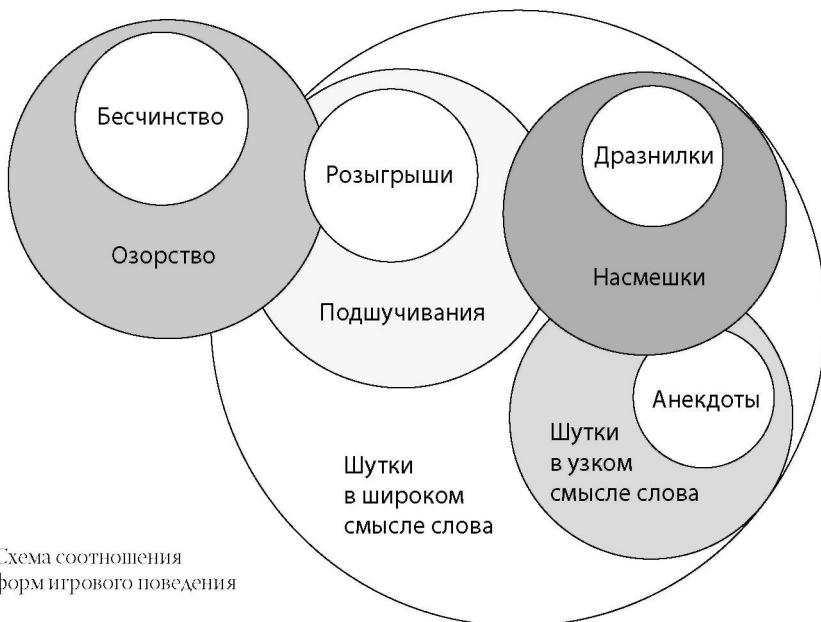


Схема соотношения
форм игрового поведения

о том, что некоторые подвижные игры и игры с предметами, хороводные игры и пляски, ряженье были вписаны в ткань традиционных праздников, не менее, а может быть, и более существенны для оценки их pragmatischen составляющей, чем конкретные детальные описания. Более того, некоторые игры (например, пасхальные игры с яйцами или игра «в свежинку») в принципе невозможно представить вне обусловивших их появление и активное функционирование обрядовых контекстов.

Поскольку мы опираемся на мемораты носителей традиции, это означает, что используемые нами тексты очень субъективны, выражают не только, а иногда и не столько фактическую сторону описываемого явления, но и отношение к нему рассказчика, испытываемые им эмоции, субъективные оценки происходящего как с точки зрения участника игры, так и с точки зрения стороннего наблюдателя. Для нас эти свидетельства цепны тем, что позволяют составить представление о месте данных явлений в ценностной шкале конкретного индивида или его референтной группы, а также описать модификацию установок и pragmatики игровых форм в разных ситуациях и контекстах. Это хорошо видно на примере озорства (см.) или запугивания (см. *Пугать*), которые оцениваются носителями традиции положительно с точки зрения их бытования в прошлом («Ой, висяло было») или по отношению к определенной ситуации («Пугали, чтобы не баловали») и передко маркируются отрицательно по отношению к современному лицу («Сейчас за это бы убили»).

Важной целью этнодиалектного словаря является описание разнообразных *форм игрового поведения*. Это сложная задача, поскольку помимо огромного разнообразия этих форм и их чрезвычайной прагматической подвижности (в силу того что игра пронизывает все сферы обыденной и праздничной жизни) приходится считаться с постоянным изменением их функционального модуса. В общепринятых терминах описания это означает чрезвычайную гибкость и изменчивость жанров, связанных с данными игровыми формами текстов, и стиля поведения от дурашливого до агрессивно-насмешливого. В ряде случаев игровые формы могут трансформироваться в ритуализованные и обрядовые формы поведения. Хотя правильнее было бы сказать, что они утрачивают свой игровой модус.

Народная терминология достаточно адекватно отражает всю сложность понятийно-смыслового наполнения игровых форм поведения, обозначая их различными словами, представляющими разную степень конкретизации и отвлеченности описания. Наиболее распространенным термином, покрывающим собой широкое поле игровых взаимоотношений, является *шутка* (см. *Шутить*). Так могут называться практически любые игровые формы, кроме игр в собственном смысле слова. Мы различаем шутки в широком смысле слова, включающие все возможные оттенки этого народного термина, и шутки в узком смысле слова, охватывающие прежде всего словесные формы игрового поведения и отличающиеся особой прагматикой («вызвать смех, развеселить»). Такая расплывчатая целевая установка позволяет превратить в шутку любое действие. Например, чтобы рассмешить окружающих, могут передразнивать кого-либо из присутствующих (см. *Дразнить*), подражать голосам животных или рассказывать веселые истории (см. *Анекдоты и побасенки*). Однако от дразнилок и насмешек, так же как и от анекдотов, шутки отличаются принципиально иной прагматикой. *Насмешки* ставят своей целью умышленно кого-либо разозлить, вывести из себя, раздражая издевкой или утрированным изображением тех или иных черт характера. *Анекдоты*, в отличие от шуток, являются не импровизационной, а достаточно устоявшейся жанровой формой, что обеспечивает их воспроизводимость, повторяемость и в пространстве, и во времени. По этому же критерию можно различать насмешки и *дразнилки*, поскольку последние также обычно имеют устойчивую форму и нередко выделяются в качестве отдельного фольклорного жанра (например, в рамках детского фольклора). В отличие от анекдотов и шуток в узком смысле слова дразнилки и насмешки имеют явно выраженные прагматические цели: унижение, оскорбление соперника, получение над ним морального преимущества; нередко таким способом стремятся подчеркнуть свой более высокий статус и униженное положение адресата. Отметим, что в ряде случаев эти прагматические установки могут изменять свой модус, и тогда передразнивание обретает дружелюбный характер (например, когда взрослые поддразнивают маленьких детей или парни заигрывают с девушкиами).

Народное сознание выделяет в обширном поле форм игрового поведения целый ряд игровых форм, которые описываются словами *подшучивать*, *озоровать*. Эти разновидности шуток также отличаются своей особой прагматикой и, в отличие от упомянутых выше, имеют не только словесное, но и акциональное наполнение. И это дает нам основание выделять их в качестве отдельного объекта описания. Правда, оговоримся сразу, носители традиции при описании разновидностей шуток не всегда строго соблюдают устанавливаемые нами границы, поэтому под подшучиванием может подразумеваться насмешка или шутка как в узком, так и в широком смысле слова. Но все же, как правило, эти дефиниции близки к нашим. В группе шуток, которые мы описываем в статье «Подшучивать», можно выделить *подшучивания и розыгрыши*, которые соотносятся друг с другом примерно так же, как насмешки и дразнилки, т.е. розыгрыши представляют собой достаточно устойчивую игровую форму с определенными «правилами и условиями» игры. Иногда изменение прагматических установок приводит к трансформации этих игровых форм в *озорство*, которое отличается от них как применяемыми средствами (нередко это выходящие за рамки шуток действия с нанесением существенного морального и материального ущерба), так и более жесткой привязкой к календарно-обрядовым формам. Наиболее удаленную от шуток разновидность озорства можно обозначить как *бесчинство*, завершающееся порчей имущества, а иногда и личным насилием.

Таким образом, выделяемые нами формы игрового поведения в ряде случаев имеют зоны пересечения, в которых они частично изменяют свои функциональные модусы и жанровую принадлежность, и в результате сближаются с другими игровыми формами, описываемыми словом «шутка». К сожалению, вне конкретной ситуации не всегда возможно точно определить прагматические нюансы тех или иных акций и сопровождающих их текстов. Поэтому наши решения отнести их к той или иной группе основываются, как правило, на косвенной информации: комментариях носителей традиции, устоявшихся жанровых признаках, привязке к ситуациям, прагматический модус которых нам достаточно хорошо известен, и т.д. Но всегда необходимо иметь в виду, что изменение прагматического модуса может изменить и принадлежность акции к той или иной группе шуток. То есть в определенной ситуации подшучивание может стать озорством или даже бесчинством, а шутка перерasti в насмешку или анекдот. При этом необходимо учитывать возможность разных целевых установок, приписываемых одному и тому же действию как самим исполнителем, так и окружающими. Например, обливание водой в контексте календарных праздников может восприниматься как веселая шутка, в то время как в других обстоятельствах это может выглядеть как оскорбление или вызов. Тем самым при описании игровых форм необходим более тщательный учет *сituативной обусловленности* той или иной обрядовой или игровой акции.

Состав и структура словаря

Состав словаря данного типа в значительной степени зависит от **адресата**, т.е. от круга лиц, которым он предназначен. Нам представляется, что это должен быть широкий круг как специалистов (этнографы, фольклористы, историки, социологи, культурологи), так и практиков (сотрудники краеведческих музеев, работники образования и культуры, участники «фольклорного движения»), интересующихся традиционной культурой. Этим объясняется наше внимание не только к описанию реалий и явлений, представляющих уже чисто историко-этнографический интерес, но и к продолжающим активное бытование традиционным текстам (например, таусеням, частушкам, прибауткам) и играм, которые вполне могут быть использованы практиками.

Основной корпус словаря составляют статьи, посвященные разным аспектам духовной культуры: праздникам и обрядам, как календарным и окквидиональным, так и семейным. Особые статьи описывают народные обряды, обычаи и верования, связанные с важнейшими календарными периодами и датами. Уделено внимание мифологическим персонажам и сценкам ряжения, типам поведения в будни и во время праздников, а также лицам или предметам, выполнившим важные функции в традиционной празднично-обрядовой жизни. Отдельные статьи посвящены значимым для данной традиции текстам и играм.

Этнодиалектный словарь включает в себя также аналитические очерки истории заселения исследуемого региона, его фольклорно-этнографических и этномузикальных особенностей, а также аналитические картосхемы, иллюстрирующие излагаемые авторами факты.

Главная задача такого рода исследования — вычленение элементов, определяющих своеобразие данного локального культурного типа в рамках национальной культуры или в исследуемом ареале. То есть **поиск не общего, а особенного, специфичного**. Тот или иной фольклорно-этнографический факт (например, ряжение или новогодний поздравительный обход) должен быть представлен (описан) во всей его местной специфики, с учетом существующих вариантов. Упрощенно говоря, в словаре, представляющем южнорусскую традицию, должны быть статьи о «таусене», «русалках», «похоронах кукушки», закликании «жаворонков» или «весны», «огненном змее», кулачных боях, а в севернорусском — статьи о «микольщинах», «коляде» или «виноградьях», ряженом-«покойнике», «штуликунах», «кикиморе», «лешем», драках и т.п. Понятно, что реальная картина будет гораздо сложнее и в словарь придется включить и значительное число общерусских (либо шире — восточнославянских или общеславянских) элементов, имеющих местную специфику. Например, хотя такой мифологический персонаж, как русалка, не характерен для севернорусской культуры и является для нее

перефрийным, в словарь, посвященный тому или иному локальному севернорусскому типу, вполне может быть включена небольшая статья, описывающая местные разновидности русалок с целью прояснить их специфику по отношению к соответствующему южнорусскому персонажу. **Причем степень специфичности может ограничиваться только названием, устойчивыми словесными формулами или особенностями фольклора.** Например, церемония одаривания молодоженов на свадьбе есть как в севернорусской, так и в южнорусской свадьбе и отличается нередко только названием (например, «доры дорить» или «сыркаравай») и некоторыми нюансами: специфическими церемониями, связанными с ней (например, разрезанием разгонного пирога, «испытанием» молодых, «славлением» или «хулением» невесты и т.п.), пассивной или активной ролью молодоженов, приуроченностью к первому или второму дню свадьбы. И именно эти нюансы и детали в совокупности могут продиктовать необходимость выделения этого эпизода свадебного обряда в качестве объекта описания в отдельной словарной статье. Конечно, можно пойти по пути дробления данного эпизода и вычленения из него «специфических» деталей в качестве отдельных статей, однако тогда придется в каждом случае решать: по отношению к чему данная деталь специфична и насколько она автономно специфична. А это очень затруднительно, пока не проанализирован по единой методике весь общерусский материал.

Рассказы о случаях из жизни носителей традиции, которые иногда могут показаться «избыточными» по отношению к основному тексту, дают ясное представление об **условиях функционирования** описываемого в словаре календарно-обрядового и семейного комплекса, народных игр, верований, жанров фольклора, т.е. позволяют вписать эти явления культуры в определенный социально-исторический контекст. Однако при их оценке необходимо иметь в виду их «контекстуальные» функции, помогающие увидеть конкретные явления и факты в реальной среде бытования.

Как уже было сказано выше, специфической особенностью этнодиалектного словаря является его направленность на выявление особенностей *употребления и бытования* обрядовых и необрядовых реалий, представляющих собой неотъемлемую часть традиционного жизненного уклада. Предмет нашего рассмотрения — *прагмемы*, т.е. внутренне завершенные акции, совершаемые с определенной целью и, как правило, обозначенные терминологически самими носителями традиции. Именно название служит *необходимым* основанием для выделения большинства словарных статей, но при этом оно не является *достаточным*. В словарь включаются только названия, связанные с *прагмемами*, а также наиболее важные *реалии*, используемые в обрядовых и необрядовых акциях, и *персоны* или *персонажи*, без которых эти акции не могли бы совершиться. Разберем это на конкретных примерах.

Корпус Словаря составляют статьи, посвященные разным аспектам духовной культуры. Основные их тематические группы таковы:

1. Общественные и семейные, календарные и окказиональные праздники и связанные с ними действия («Вербное воскресенье», «Духов день», «Крещение», «Кузьминки», «Масленица», «Пасха», «Троица», «Свадьба» и ее составляющие, «Некрутов провожать», «Гулянья», «Застолье», «Кулачки», «Плясать» и др.).
2. Календарно приуроченные и окказиональные обряды, обычаи и магические практики («Таусень», «Рождество славить», «Шута хоронить», «Гадания», «Жаворонков кликать», «Молить о дожде», «Ярку искать», «Похороны» и др.).
3. Важнейшие персоны, организаторы и активные участники обрядовых и необрядовых акций («Колдун», «Монашки», «Ерошкин», «Отец Максим» и др.).
4. Мифологические персонажи, с которыми непосредственно связаны обрядовые и необрядовые акции («Домовой», «Шишига», «Летун», «Русалка» и др.).
5. Реалии, с которыми непосредственно связаны обрядовые и необрядовые акции («За веникомходить», «Жаворонков кликать», «Икона», «Качели» и др.).
6. Обрядовые локусы («Никольская гора», «На святой родникходить» и др.).
7. Фольклорные тексты, непосредственно связанные с обрядовыми и необрядовыми акциями («Аnekdotы и побасенки», «Коляду петь», «Припевать», «Дождик, дождик, пуще», «Бауказать» и др.).
8. Народные верования, непосредственно связанные с обрядовыми и необрядовыми акциями («Наказание за грех», «Обновление икон» и др.).
9. Игры и обрядовые развлечения («В яйца катать», «Козны», «Кулачки», «Клёк», «Жмурки», «Свежинка» и др.).
10. Игровые типы поведения («Подшкунивать», «Молодых солить», «Аразнить» и др.).

В Словаре выделяются два типа статей: основные и ссылочные. Структура основных статей зависит от их принадлежности к той или иной тематической группе. Однако вне зависимости от типа статей в каждой из них есть некоторые общие структурно-композиционные элементы: статьи начинаются с краткой *дeфиниции* описываемой прагмемы (хотя в большинстве случаев окончательные дефиниции возможны только после рассмотрения и анализа конкретных случаев и примеров); затем рассматривается общая *структура* данной обрядовой или необрядовой акции (последовательности ее развертывания как «текста» в пространстве и времени, т.е. *синтагматический аспект*; варианты действий в конкретных ситуациях, т.е. *парадигматический аспект*); приводится перечень вариантов, не вписывающихся в общую парадигму; даются отсылки к другим структурно или семантически близким явлениям.

Помимо этих общих элементов у каждой из тематических групп статей имеется своя специфика. Покажем это на примере статьи, посвященной народному празднику.

В *дефиницию праздника* входит как лаконичное его каноническое определение, так и более развернутое народное толкование значения (смысла) праздника, выражющееся, в частности, в народно-этимологических вариантах его названия (Воздвижение = Здвижение > сдвигаться, собираться в кучу > поверье о том, что в этот день «гады» собираются вместе). В описании *синтагматики праздника* основной акцент делается на описании реальных случаев его реализации в данной локальной традиции. Канонические толкования привлекаются лишь для иллюстрации *специфики* данного этнодиалекта. В описание включаются такие важные для традиционной праздничной жизни компоненты, как гуляния, перегащивания родственников и соседей, пирования и застолья, описания праздничного костюма, образцы песенного фольклора, развлечения и игры. Специфика того или иного праздника часто проявляется через совершаемые в этот день обрядовые и необрядовые акции (обходы домов или селения ряжеными, посещение кладбища, обрядовое озорство, молодежные собрания и др.), специфические реалии (выпечание особого праздничного печенья, украшение дома и двора, изготовление венков, чучел и др.).

Разные типы статей апеллируют к разным уровням существования описываемых явлений. Это обусловлено важными различиями между повседневной реальностью, которая по сути непрерывна (континуальна) и праздничной жизнью, по определению ограниченной в пространстве и времени (дискретной). Можно утверждать, что повседневная и праздничная жизнь протекает каждая в своей, «параллельной» действительности. Описания фактов повседневности невольно заставляют нас обращаться к постоянно изменяющейся реальности (аналог *речевой стихии*), отражать события в их динамике и вариативности. Отсюда значительный удельный вес меморатов, примеров из личной практики и жизни, при помощи которых рассказчик пытается отразить более абстрактные сущности. Эти тексты гораздо более текучи и подвижны и гораздо менее устойчивы, чем тексты, описывающие праздничный обиход. Фактически про праздник часто «нечего рассказать», так как «все уже известно». Наиболее яркие эпизоды рассказов о праздниках связаны обычно с личными впечатлениями и переживаниями и, как правило, «не фактографичны», не описательны. То есть такое устойчивое явление, как праздник, образ которого «вложен» в сознание каждого носителя традиции (аналог *языка*), передается в изустной, «речевой» форме. Отсюда некоторое противоречие между формальной конструкцией «праздничной» статьи, предполагающей последовательное описание его хода, и реальным содержательным наполнением, его описанием очевидцами, носителями традиции.

Остановимся вкратце и на особенностях подачи текстов и их паспортизации в рамках Словаря. Все цитируемые диалектные тексты, за небольшим исключением, переданы средствами русского алфавита. Курсив в цитируемых текстах информантов обозначает частичную или полную

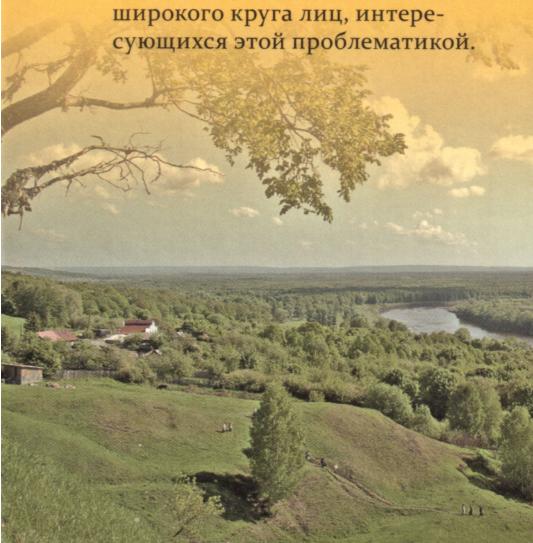
редукцию звука. В квадратных скобках после цитируемого текста приводится краткий паспорт аудиозаписи или письменного текста — инициалы информанта, название населенного пункта, в котором произведена запись. Если цитирование дается по аудиозаписи, то далее указываются инициалы собирателя, год записи, номер кассеты, сокращенное название области и номер данного текста по описи кассеты (только при цитировании аудиозаписей И.А. Морозова и И.С. Слепцовой). Если цитируется не аудиозапись, а текст из фольклорного архива кафедры литературы Ульяновского госпединиверситета (ФА УлГПУ), то указываются инициалы собирателя, место хранения, фонд (условное обозначение района записи), опись (условное обозначение жанра), год записи. Пояснения и комментарии собирателя даются в тексте записи также в квадратных скобках после знака равенства [=комментарии собирателя]. В списке информантов указываются — фамилия, имя, отчество информанта, год рождения, место записи (если информант не местный, то указывается место рождения и год, с которого он проживает в месте записи, если об этом было сообщено). В списке собирателей указываются краткие данные о собирателе.

И.А. Морозов

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание различных календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов — сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры и их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга лиц, интересующихся этой проблематикой.





ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
УЛЬЯНОВСКОГО ПРИСУРЬЯ
Этнодиалектный словарь.
Том 2



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИЛЛУХО-МАКЛАЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И.Н. УЛЬЯНОВА

ТОМ ВТОРОЙ

М-Я

ОЧЕРКИ
ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЛЬЯНОВСКОГО
ПРИСУРЬЯ

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ



МОСКВА «ИНДРИК» 2012

УДК 39
О 95

Авторская работа выполнена
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-01-00497а)

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурия. Этнодиалектный словарь. Том 2 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрию», 2012. — 656 с., ил.

ISBN 978-5-91674-211-4

В Этнодиалектном словаре Ульяновского Присурия представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI в. Описание различных культурных форм: календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов — сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX в. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры и их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также широкого круга лиц, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-91674-211-4

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрию»,
оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ



СЛОВАРЬ

МАСЛЕНИЦА (празднично-игровой и обрядовый комплекс)	11
МАТАНИТЬСЯ (форма общения молодежи)	24
МОЛИТЬ О ДОЖДЕ (обрядово-магическая практика)	38
МОЛОДЫХ ВСТРЕЧАТЬ (свадебный обряд)	47
МОЛОДЫХ МАСЛОВАТЬ (празднично-обрядовое действие)	50
МОЛОДЫХ СОЛИТЬ (празднично-игровое действие)	51
МОНАХ (игра в кельях)	53
МОНАШКИ (персона)	54
НА ЗУБОК (семейный обряд)	63
НА ПОКЛОН (свадебный обряд)	69
НА СВЯТОЙ РОДНИК ХОДИТЬ (сакральный локусы и связанные с ним практики)	72
НАКАЗАНИЕ ЗА ГРЕХ (православная этика и мифологические представления)	87
НАРЯЖЕННЫМИ ХОДИТЬ (обрядово-игровая практика)	97
НЕВЕСТУ ПРОДАВАТЬ (свадебный обряд)	119
НЕКРУТОВ ПРОВОЖАТЬ (обряд)	125
НИКОЛАЙ УГОДНИК (персонаж народных верований)	136
НИКОЛИН ДЕНЬ (праздник)	144
НИКОЛЬСКАЯ ГОРА (сакральный локус)	147
НОВОСЕЛЬЕ (семейный обряд)	169
НОВЫЙ ГОД (праздник)	175
НОЧЕВАТЬ В КЕЛЬЕ (форма общения молодежи)	178
ОБЁРТУШКИ (игра в кельях)	185
ОБНОВЛЕНИЕ ИКОН (мифологические представления и поверья)	186
ОБОРОТЕНЬ (мифологический персонаж)	190
ОЗОРСТВО (игровая форма поведения и календарный обычай)	198
ОРЕЛ (праздничное развлечение мужчин)	203
ОСНОВУ СНОВАТЬ (хороводная игра)	216
ОТЕЦ МАКСИМ (персона)	218
ОТШЕЛЬНИК (персона)	228

ПАСХА (праздник)	230
ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ (свадебный обряд)	249
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИКОН (мифологические представления и поверья)	250
ПЕЧУРКИ СМОТРЕТЬ (свадебный обряд)	256
ПЕТРОВ ДЕНЬ (праздник)	257
ПЛАЧ ИКОНЫ (мифологические представления и поверья)	260
ПЛАТЕНЬ (хороводная игра)	263
ПЛЯСАТЬ (развлечение)	266
ПОГРЕБЕНИЕ (похоронный обряд)	282
ПО КЕЛЬЯМ ХОДИТЬ (форма общения молодежи)	293
ПОДШКУНИВАТЬ (игровая форма поведения)	300
ПОКОЙНИК СНИТСЯ (мифологический персонаж и поверья о нем)	316
ПОКОЙНИКА УБИРАТЬ (похоронный обряд)	326
ПОКУПАТЬ КОРОВУ (бытовые и обрядовые практики)	338
ПОМИНКИ (похоронный обряд)	343
ПОСТ (календарный период и религиозная практика)	360
ПОХОРОНЫ (комплекс ритуально-обрядовых и магических действий) ..	372
ПРИБАУТКИ (игровой текст)	387
ПРИПЕВАТЬ (игровые тексты и практики)	398
ПРОВОЖАТЬ МАСЛЕНИЦУ (обрядовые и игровые практики)	412
ПУГАТЬ (игровая и обрядовая практика)	419
РЕМЕНЬ (посиделочная игра)	431
РОДИНЫ И КСТИНЫ (семейный обряд)	432
РОЖДЕСТВО (праздник)	442
РОЖДЕСТВО СЛАВИТЬ (поздравительный обход)	447
РУСАЛКА (мифологический персонаж)	450
РЮХИ (игра)	457
С ГОР КАТАТЬСЯ (зимнее развлечение)	463
САБУРОВ КОЛОДЕЦ (сакральный локус)	467
СВОРНОЕ (календарный обычай)	471
СВАДЬБА (комплекс обрядовых, магических и игровых действий)	473
СВАТАТЬ (свадебный обряд)	488
СВЕЖИНКА (игра в кельях)	495
СВЯТКИ (празднично-игровой и обрядовый комплекс)	496
СЕМИК (праздник)	500
СИДЕТЬ В КЕЛЬЯХ (форма организации молодежного досуга)	503
СОБИРАТЬ НЕВЕСТУ К ВЕНЦУ (свадебный обряд)	520
СОСЕДИ (игра в кельях)	528
СРЕДОКРЕСТЬЕ (праздник)	529
СТОЛБЫ (игра)	533

ТАУСЕНЬ (поздравительный обход)	535
ТРАПЕЗА (повседневное и обрядовое действие)	547
ТРОИЦА (праздник)	554
ТЮТЮШКАТЬ (развлечения взрослых с детьми)	568
УЖ (мифологический персонаж)	579
УХВАТОМ ПЫРЯТЬ (игра в кельях)	583
«ХОДИТ ЦАРЬ ВОКРУГ НОВА-ГОРОДА» (круговая игра)	585
ЧЕЛНОК (игра)	587
ЧИЖ (детская и молодежная игра)	589
ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК (праздник)	595
ЧИТАЛКИ (персона)	599
ШАР (молодежная игра)	603
ШИШИГА (мифологический персонаж)	610
ШУТА ХОРОНИТЬ (обрядовая и игровая практика)	612
ШУТИТЬ (игровая форма поведения)	621
ЯРКУ ИСКАТЬ (свадебный обряд)	631
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	646
СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУЕКТОВ	663
СОКРАЩЕНИЯ: СОБИРАТЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИИ	663

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурия представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание различных календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов — сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры и их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга лиц, интересующихся этой проблематикой.

